

УДК 614.2:94 (47143)

**УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР
В ДЕЛЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛЕННЫМ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1918 гг.)**

© 2019 В.Ю. Кузьмин

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 04.03.2019

В статье рассматривается процесс участия власти и общества в деле оказания медико-социального обслуживания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, государство, общество, земство, военнопленные.

Первая мировая война – одна из актуальных страниц российской и региональной истории. Она вызывает как теоретический, так и научно-практический интерес. Изучение приведших к ней обстоятельств привлекает достаточное внимание исторического сообщества, стимулирует новые обращения к опыту Российской империи и ее ответам на исторические вызовы. История российской провинции в военные и предвоенные годы все больше привлекает профессиональных исследователей, краеведов, а также всех тех, кому небезразлично наше историческое прошлое. Это затрагивает проблему медико-социального обеспечения военнопленных.

Центральным правительством разрабатывались конкретные предложения по улучшению качества медицинского обеспечения военнопленных. Канцелярия военного министерства предоставила информацию о том, что, кроме стационарных лазаретов, действующих в соответствии с разработанным «Положением», чиновники указанного ведомства заявляют о новой организации и внедрении в военное дело подвижных врачебных заведений, а также временных лазаретов¹¹.

Установлено, что за содержание военнопленных отвечал специально созданный «Особый комитет помощи пленным». Власть и органы самоуправления при взаимодействии с другими государственными учреждениями и общественными организациями рассматривали также проблемы военнопленных в период Первой мировой войны.

Единого решения проблемы медицинского обеспечения военнопленных в обществе не существовало.

С целью своевременного предупреждения появления эпидемий среди военнопленных земские и городские врачи проводили их тщательный осмотр и осуществляли контроль над качеством питания. Несмотря на предпринятые меры среди них имели место больные с инфекционными заболеваниями.

В январе 1915 г. в г. Самару прибыли турецкие воины, плененные под Сарыкамышем, многие из которых страдали различными видами тифа. По инициативе Самарской губернской земской управы они были размещены на лечение в лазарете на Дунаевском заводе, в 3-м городском госпитале и 15-м лазарете Всероссийского земского союза. С целью профилактики распространения эпидемии в Самаре известный общественный деятель, гласный Городской Думы А.Г. Елшин выступил против поста-

Кузьмин Владимир Юрьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук. E-mail: boss.mista@mail.ru

новления исполнительного органа земства. Управа с его мнением не согласилась. В результате нахождения и лечения военнопленных турок от тифа заразились и умерли 6 врачей, 11 фельдшеров и фельдшерниц, 13 сестер милосердия и 75 хозяйственных служащих медицинских учреждений²².

На 22 марта 1915 г. среди 2240 раненых и больных воинов, находящихся на лечении в больницах Симбирской губернии, 454 являлись военнопленными. В Сызрани обслуживалось 372 раненых, среди которых 200 человек турецких граждан³.

В странах Тройственного союза распространялись заявления о плохом отношении в Российской империи к пленным солдатам и офицерам, в связи с чем Главное управление по делам земского хозяйства 7 июля 1916 г. обратилось к Самарскому губернатору с секретным циркуляром: «Военным ведомством, по соглашению с МВД, признано соответственным в целях пресечения распространяемых нашими врагами инсинуаций относительно будто бы крайне неудовлетворительного содержания в России военнопленных, составить сборник фотографических изображений как общих видов, существующих у нас для лагерей пленных, так и видов отдельных лагерных построек и приспособлений, деталей их внутреннего оборудования и обстановки жилых бараков, лазаретов, столовых, кухонь, бань, хлебопекарен и прочих разного рода хозяйственных и специальных помещений, аналогичных снимков типичных групп пленных низших чинов и офицеров и бытовых картин их повседневной жизни, при исполнении работ, при производстве разных упражнений, за обедом, во время отдыха, купания, спортивных игр, раздачи писем и посылок, чтении и других обыденных занятий. Снятие этих фотографий необходимо завершить теперь же, в течение летних месяцев». Их следовало делать в трех экземплярах. Негативы рекомендовалось передать местным уездным военным начальникам. Снимки должны быть выполнены благонадежными и умелыми исполнителями, объективно, без инсценировок⁴.

В Российском государственном историческом архиве сохранился документ, частично подтверждающий факты адекватного отношения к военнопленным. Они трудились на земляных работах в различных губерниях. Питались военнопленные сравнительно хорошо. В деревнях Саратовской губернии утром на завтрак им давали яичницу «с хлебом и маслом», запиваемую чаем. В обед предлагалось мясное, а из-за отсутствия мяса – молочное и иногда куриное. Вечером опять яйца или масло.

Большой проблемой являлось то, что почти все они не имели белья. Их насильно приходилось заставлять мыться в бане или речке.

Вместе с тем имеются материалы, свидетельствующие о равнодушии со стороны медиков к военнопленным. В Российском государственном историческом архиве сохранился документ, информирующий о неправильном поведении по отношению к военнопленным доктора Туберезова. Об этом сообщается в докладе уполномоченного Красного Креста И.Ф. Белика, представленном в Совет Всероссийского попечительства. В нем речь шла о военнопленных, находившихся в селе Тоцком Бузулукского уезда Самарской губернии и размещавшихся в 45 бараках летнего лагеря. В каждом бараке вместо 600 человек пребывало до 1500. Их обслуживали 20 врачей и 2 фельдшера из расчета на 7 тыс. пленных. Работе медиков мешал старший врач Туберезов. Его жена на территории лагеря открыла лавку, в которой по весьма высоким ценам продавала продукты. Благодаря вмешательству представителей органов самоуправления, старший врач был снят с должности, а вместо него назначен другой. После этого положение с военнопленными изменилось в лучшую сторону. Было открыто 16 лазаретов по 50 коек каждый.

Не лучшим образом обстояло дело и с 2 тыс. пленных, ютившихся в землянках в Тобольской губернии.

Вполне корректно обходились с пленными солдатами и офицерами в Омском и Томском лагерях. Их ежедневно осматривали 12 врачей⁵.

За состоянием быта военнопленных проводился контроль. Так, член особого комитета помощи пленным при Главном управлении российского общества Красного Креста П.М. Устимович от Воронежской и Тамбовской губерний в ноябре-декабре 1916 г. отметил, что пленные офицеры и нижние чины, находившиеся под контролем уездных воинских начальников, находятся в благоприятных условиях. Иначе обстоит дело с военнопленными, когда они пребывали под наблюдением уездных и городских управ. В месяц они зарабатывали 8-9 руб., а отдавалось им лишь 30%. В ведение Саратовского управления земледелия для заготовки дров было направлено 650 военнопленных.

Солдаты и офицеры противника, взятые в плен, привлекались к сельскохозяйственным работам и в других губерниях. Так, в распоряжение департамента государственных земельных имуществ были переведены двое военнопленных для работы в имении Отузы Таврической губернии.

Отдельными земствами выделялись финансовые ассигнования на улучшение быта иностранных военнопленных. Например, Симбирская губернская земская управа дала согласие на постройку поселка для них при станции Инза. Уполномоченным «Особого комитета» Н.Н. Городецким представлен авансовый отчет на сумму 5647 руб. 57 коп., израсходованную на строительство жилья для пленных. Указанная управа несколько позднее приняла постановление о его утверждении. Получение денег на введение в строй поселка для этой категории воинов сопровождалось выдачей специальной расписки комиссией, составленной из самих военнопленных. Одна из них была оформлена 27 января 1917 г. на сумму 245 руб. Она гласила: «Мы, нижеподписавшиеся Франц Штурм и Гартман Франц, представили настоящий документ уполномоченному по постройке поселка для военнопленных при станции Инза Симбирской губернии Н.Н. Городецкому в том, что получили от него на про-

довольствие (490 пайков) 70 работающих пленных (с 28 января по 3 февраля с. г.) из расчета 50 коп. в день на человека»⁶.

Однако материалов, подтверждающих факт завершения строительства поселения, не обнаружено.

Общество интересовалось судьбой граждан России, находящихся в плену за рубежом. В период с 5 мая 1916 г. по 26 апреля 1917 г. в Симбирской губернии проведен сбор в пользу русских военнопленных. При этом ее губернатор разрешил 30 апреля 1916 г. «организовать гуманитарную помощь» и провести 19-20 мая с.г. прием денег и вещей. В связи с данным мероприятием был напечатан «Призыв». В нем говорилось: «Тысячи русских воинов томятся в жестоком плену, терпят голод, унижения, гибнут от непосильной работы, истощения и эпидемий. К ним относятся и русские, застигнутые войной за границей»⁷.

В различных уездах Симбирской губернии в 1917-1918 гг. продолжалось строительство барака для военнопленных. Оно завершалось составлением акта, подписанного помощником заведующего техническим отделом⁸.

Иностранному военнопленному по возможности предоставлялась работа. Так, председателем Самарской губернской земской управы 15 сентября 1917 г. был внесен в Николаевскую уездную управу вопрос об оплате труда военнопленных, которые находились на сельскохозяйственных работах в имении села Пустошина, также губернская управа просила откомандировать в ее распоряжение 10 военнопленных, в том числе 2 плотников⁹. Среди иностранных военнопленных имели место случаи бегства. Так, командир батальона капитан Милов сообщил 28 августа 1918 г., что со станции Кинель Самарской губернии бежал военнопленный румын, объявлен его розыск¹⁰. Московское издательство «Свободная Россия» обратилось 13 октября 1917 г. в Самарскую губернскую земскую управу с информацией о том, что оно препроводило 200 гравюр с картин Московской Третьяковской галереи,

и просило оказать ему содействие в их распространении, «чистая» польза от которого поступит на помощь русским военнопленным. Председатель Самарской губернской земской управы спустя неделю после получения просьбы издательства, возвращая одновременно посылкой 200 экземпляров художественных гравюр – автотипов с картин Третьяковской галереи, сообщил, что губернским земством уже самостоятельно организована помощь военнопленным¹¹.

Кроме того, органы земского самоуправления передавали оперативную информацию родственникам, мужа или сыновья которых находились в плену за рубежом. Так, в Ягодинское волостное правление Ставропольского уезда 22 июня 1918 г. обратился с письмом №414 председатель Самарского губернского земства, в котором просил сообщить родным Никифора Ивановича Бобкина, находящегося в плену (Австрийский лагерь XIII №84 при Амштетене), при необходимости оказать ему помощь. Ответ на один из таких запросов дал зам. командующего Симбирским фронтом поручик Швец 28 июня с.г. за №421. Он сообщил, что военнопленный Трусов Александр Александрович из села Старо-Бинарадка Ставропольского уезда находится в лагере XXX №191 при Амштетене¹².

Самарская губернская земская управа сообщила 3 августа 1918 г. Богородской волости Бугурусланского уезда о том, что ее местная управа передала родственникам Д.Ю. Юдина, что группа военнопленных из

Самарской губернии 9 сентября 1917 г. прислала письмо, в котором говорится о том, что Юдин находится в плену в лагере Гарт при Амштетене (Австрия) и более двух лет не получает от родных помощи¹³.

Таким образом, государством и земством в период Первой мировой войны была проделана значительная работа по организации медико-социального обслуживания военнопленных. В ней имелись как успехи, так и просчеты. В условиях политического развития современного мира опыт, накопленный Российской империей, может рационально использоваться при решении проблем содержания и медико-социального обеспечения военнопленных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3255. Л. 436.
- ² Фомичева Н.П., Елишин А.Г. (1878-1928 гг.) // Самарский краевед. Историко-краеведческий сборник. Самара, 1995. С. 183-185.
- ³ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 767. Л. 2.
- ⁴ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 880. Л. 23.
- ⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425. Л. 6, 7, 9 – 15.
- ⁶ ГАУО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 14. Л. 1, 3, 6.
- ⁷ Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 120. Л. 2, 20.
- ⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 14. Л. 1, 3, 6.
- ⁹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1136. Л. 92, 176.
- ¹⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 9. Д. 881. Л. 364.
- ¹¹ Там же. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1136. Л. 190, 193.
- ¹² Там же. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1144. Л. 74, 98.
- ¹³ Там же. Ф. 5. Оп. 9. Д. 919. Л. 2.

PARTICIPATION OF GOVERNMENTAL STRUCTURES AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE MEDICAL AND SOCIAL ASSISTANCE TO WAR PRISONERS DURING THE WORLD WAR I (1914-1918)

© 2019 V.Yu. Kuzmin

Samara State Medical University

The article is devoted to the Participation of power and society in the medical and social assistance to war prisoners during the World War I.

Keywords: World War I, state, society, zemstvo, war prisoners.

Vladimir Kuzmin, Doctor of History, Associate Professor, Department of Russian History, History of Medicine and Social Sciences. E-mail: boss.mista@mail.ru